Нет серьезных оснований сомневаться в том, что в первой половине I века н. э. в Палестине, преимущественно в Галилее, действовал странствующий «учитель» по имени Иисус (Иешуа), который имел в своем образе жизни и общественном статусе много общего с другими религиозными пророками своей эпохи.

Зарождение и эволюция христианских религиозных норм регулирования долговых отношений

Сергей ПАХОМОВ,
доктор экономических наук,
профессор МГУИЭ

В Палестине уже с VI века до н. э. на базе монотеистической религии иудаизма и его ветхозаветных священных книг постоянно возникали эсхатологические идеологические течения и социальные движения. В связи с многократными насильственными переселениями иудеев из Палестины в другие страны Древнего мира ветхозаветные идеи получали все более широкое распространение, и количество неортодоксальных иудейских сект множилось. Распространялись мистические ожидания абсолютного «светлого будущего», ожидания прихода спасителя мира, мессии, для учреждения нового и безупречно справедливого порядка на земле. Сам Иисус, однако, не входил ни в одну из многочисленных аскетических иудейских религиозных сект. Среда, из которой он вышел и которая первой приняла его проповедь, — это галилейские бедняки, попавшие под социально-экономический гнет Рима и собственных богачей. Кроме того, они подвергались интенсивному идеологическому давлению официальной иудейской религии, которое они отвергали и которому сопротивлялись.

Иисус основал собственную небольшую общину духовных последователей и объявил себя носителем и провозвестником наступающего мессианского времени. Его проповедь стала зерном учения, обращавшегося прежде всего к умам и сердцам неимущих. Среди них оно находило наибольший отклик и поддержку. Христианское учение принципиально обращалось ко всем категориям палестинского общества, включая и «нечистых», религиозно отверженных лиц: «Где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем — Христос». Этот тезис в итоге через несколько столетий проложил христианству дорогу к завоеванию душ всего населения Римской империи. Поэтому его последователи и смогли обратить в недалеком будущем проповедь этого учения ко всем народам мира и превратить локальное галилейское сектантское религиозное движение в мировую религию Средиземноморья и одну из мировых религий современного мира.

В евангельских притчах и проповедях Христа и его последователей-апостолов нет однозначного одобрения или осуждения ростовщичества и практики взимания процентов по ссудам. Так, в Евангелии от Луки приводится притча о властителе, от-

давшем серебро трем своим рабам с поручением пустить его в оборот. Эту притчу Христос поведал своим последователям. Рабы, приумножившие серебро, были вознаграждены, а раб, ко-

> В ЕВАНГЕЛЬСКИХ ПРИТЧАХ И ПРОПОВЕДЯХ ХРИСТА И ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ-АПОСТОЛОВ НЕТ ОДНОЗНАЧНОГО ОДОБРЕНИЯ ИЛИ ОСУЖДЕНИЯ РОСТОВЩИЧЕСТВА И ПРАКТИКИ ВЗИМАНИЯ ПРОЦЕНТОВ ПО ССУДАМ

торый просто сохранил мину серебра в неприкосновенности, был наказан: «Для чего же ты не отдал серебра моего в оборот, чтобы я, придя, получил его с прибылью?.. Сказываю вам, что всякому имеющему дано будет, а у неимеющего отнимется и то, что имеет».

В период, последовавший за падением Западной Римской империи, распространившаяся по Европе христианская доктрина раннего Средневековья, основываясь как на Ветхом Завете, так и на приведенном в том же Евангелии от Луки высказывании Христа: «Но вы любите врагов ваших, и благотворите, и взаймы давайте, не ожидая ничего; и будет вам награда великая, и будете сынами Всевышнего», — создала стройную систему аргументации, запрещающую давать в долг под проценты и рассматривающую ростовщичество как проявление смертного греха. Апостол Павел в своих посланиях приравнивал лихоимцев к категории людей, с которыми христианам запрещалось общение: «Ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники — Царства Божия не наследуют». Косвенным приговором ростовщичеству звучат следующие слова апостола Павла: «Ибо корень всех зол есть сребролюбие...» Молитва «Отче наш» однозначно указывает христианам на необходимость прощения долгов: «...И прости нам грехи наши, ибо и мы прощаем всякому должнику нашему...»

Учение отцов церкви в скором времени после распада Римской империи на варварские королевства фактически стало европейской средневековой экономической доктриной, которая являлась отражением хозяйственной и социальной жизни Западной Европы того времени. Социальный и экономический порядок раннего Средневековья воспринимался людьми того времени как естественный и базировался на полной самоидентификации индивида с определенным географическим ареалом, социальным сословием, видом хозяйственной деятельности, кланом, религией. Каждый индивид был навеки прикован к своей предопределенной рождением роли в социальном и экономическом порядке, которая оставалась с ним (за редчайшими исключениями) пожизненно. Экономическая и социальная жизнь каждого регулировалась жестким сводом правил и обязательств, охватывающих все сферы деятельности. У отдельного человека практически не было возможностей перехода из одного сословия в другое. Такая полная самоидентификация и ощущение предопределенности своей личной судьбы в психологическом отношении создавала у них чувство принадлежности к обществу и ощущение безопасности. Человек мог страдать от голода и угнетения, но он не испытывал чувства отчуждения и одиночества. Экономическая конкуренция не была развита. Каждый член общества рождался и жил в определенном четко ограниченном социальном сословии, которое давало и предопределенное экономическое положение, сопровождавшееся предопределенным кругом прав и обязанностей перед теми, кто стоял выше в социальной иерархии. Церковь предусматривала и одобряла только две базовые морально-нравственные основы и цели экономической деятельности людей: экономические интересы индивида должны подчиняться истинной цели его жизни, которая заключается в спасении души для последующей вечной загробной жизни; экономическое поведение личности подчиняется строгим требованиям религиозной морали. Нет места для экономической активности, которая не служит целям религиозной морали. Церковные мыслители Средневековья рассматривали современное им общество как единый духовный организм, а не как экономический механизм. Экономическая активность должна быть контролируема и подавляться во имя духовных целей, служа лишь инструментом их достижения.

Христианская каноническая доктрина раннего Средневековья признавала только две отрасли производства: сельское хозяйство и обработку даров природы (ремесленный труд в рамках замкнутого домашнего хозяйства). В этом она близка взглядам Аристотеля и других экономических мыслителей античности, которые в качестве почетного занятия признавали только труд земледельца. Торговля совершенно не признается, она запрещена как духовенству, так и мирянам. Тем более враждебно каноническая доктрина относилась к ссудному проценту. Занятие ростовщичеством является предосудительным, так как в этом случае человек получает больше, чем дал, что противоречит основным принципам учения церкви. Взимание процента является несправедливым действием, результатом жадности, эксплуатацией нуждающихся. Поэтому ссудный процент запрещен не только духовенству, но и мирянам. Духовенству каноническое законодательство угрожает лишением сана, а мирянам — отлучением от церкви, к чему присоединялись затем и светские наказания.

Это учение соответствовало эпохе раннего Средневековья, когда ссудные операции вели к неприкрытому обогащению ростовщиков за счет разорявшихся земледельцев. Западные летописи, законодательные акты и частно-правовые документы открывают основополагающее явление средневековой европейской жизни, которое имело место во всех слоях общества. Это широко распространенное явление коммендации, или добровольной отдачи себя и своих близких в зависимость от более сильного землевладельца. По сути это означало добровольный переход в долговую кабалу. В основе общего стремления к долговой кабале со стороны отдельных лиц

> ЭКОНОМИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ ДОЛЖНА БЫТЬ КОНТРОЛИРУЕМА И ПОДАВЛЯТЬСЯ ВО ИМЯ ДУХОВНЫХ ЦЕЛЕЙ, СЛУЖА ЛИШЬ ИНСТРУМЕНТОМ ИХ ДОСТИЖЕНИЯ

и целых классов лежали тяжелейшие условия жизни и отсутствие средств для осуществления гражданских прав. Крайняя бедность, невозможность избежать голодной смерти, отсутствие защиты от притеснений сильных соседей, особенно крупных землевладельцев, которые творили неправый суд, тяжелые подати, воинская повинность — таковы были повседневные обстоятельства жизни раннего европейского Средневековья, отражаемые в кабальных актах. Весь строй государства приближался к такому состоянию, при котором не оставалось места для иных форм экономических отношений, кроме отношений зависимости. Этот обычай был настолько распространенным и так соответствовал социально-экономическим условиям того времени, что европейские законодательные кодексы раннего Средневековья (Салическая правда, Саксонская правда, Фризская правда, королевские акты) не допускали иного состояния кроме зависимого и признавали законность самоотдачи в долговую кабалу. «Всем дозволяется держать в своей коммендации свободных людей», — говорится в одном из распоряжений Карла Великого. Типичный акт долгового закабаления того времени доносит до нас чувство полной безнадежности средневекового европейца и его стремление обменять свою личную свободу на гарантированное, пусть и ничтожное, место в социальной иерархии общества, а значит, и получить гарантии физического существования: «Ведомо всем, что великая бедность и тяжкие заботы постигли меня, и я не имею ни пищи, ни одежды, потому по просьбе моей ты не отказал в крайней моей бедности дать мне из своих денег (столько-то) солидов, а мне нечем их уплатить. Я и просил тебя совершить закабаление моей свободной личности, чтобы отныне ты имел полную свободу делать со мной все, что ты имеешь право делать со своими прирожденными рабами, именно: продавать, выменивать, подвергать наказанию». Последствия добровольной коммендации имели особо важное значение для всего последующего западноевропейского развития. В области земельных отношений оно привело все крестьянское население к зависимости от помещика-землевладельца. На всем пространстве Западной Европы к VIII веку складывается один и тот же тип экономических отношений: крупное феодальное хозяйство и вокруг него зависимые от помещика крестьянские селения, обитатели которых находятся в коммендации у сеньора и несут разные натуральные и денежные повинности в его пользу. Существовало и обратное течение, нередки были случаи выхода крестьян на свободу, однако тяжелейшие экономические условия вновь вынуждали свободного человека искать себе господина и защитника. Фактически это означало свободу смены кабальной зависимости путем перехода от одного феодала к другому. Типичный правовой памятник того времени гласит: «Если тебе случится для защиты своих прав гражданских прибегнуть под покровительство Церкви или кого найдешь удобным, то имеешь к этому полную свободу». Условия экономического развития раннего европейского Средневековья неумолимо разрушали мелкое землевладение. Королевская власть осознавала негативные последствия этого явления и, начиная от Карла Великого, пыталась противостоять этому. Неоднократно принимались королевские указы, запрещающие феодалам насильственно скупать крестьянские земли, принуждать крестьян к кабале, отменяющие кабальные акты. Однако это не давало положительных результатов, поскольку феодалы просто саботировали такие указы. Падение роли пехоты, основой для которой служило мелкое свободное крестьянство, и переход в военном деле к использованию тяжело вооруженной конницы вызвали необходимость усилить роль служилого сословия из числа мелких и средних феодалов, которым раздавались земли в обмен на обязательство несения королевской военной службы. Это окончательно разрушило остатки свободной крестьянской общины в Западной Европе.

> В ОСНОВЕ ОБЩЕГО СТРЕМЛЕНИЯ К ДОЛГОВОЙ КАБАЛЕ СО СТОРОНЫ ОТДЕЛЬНЫХ ЛИЦ И ЦЕЛЫХ КЛАССОВ ЛЕЖАЛИ ТЯЖЕЛЕЙШИЕ УСЛОВИЯ ЖИЗНИ И ОТСУТСТВИЕ СРЕДСТВ ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

> КРЕДИТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРВЫЕ ВЕКА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В ЕВРОПЕ ПРАКТИЧЕСКИ НЕ БЫЛО. ЗАЙМЫ ЯВЛЯЛИСЬ НЕ ЧАСТЬЮ НОРМАЛЬНОЙ КРЕДИТНОЙ СИСТЕМЫ, А СКОРЕЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫМ ЯВЛЕНИЕМ, КОГДА ЗАЕМЩИК ПРИБЕГАЛ К НИМ ТОЛЬКО В СЛУЧАЕ КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ

Кредитных отношений в первые века Средневековья в Европе практически не было. Займы являлись не частью нормальной кредитной системы, а скорее исключительным явлением, когда заемщик прибегал к ним только в случае крайней необходимости. Имели место их зачатки, когда при сделке купли-продажи покупатель имел право заменить отданный при уплате в качестве эквивалента цены предмет другим. Таким временно отчуждаемым эквивалентом в то время могло быть только движимое имущество или сам человек, поступавший в кабалу. Он содержался кредитором в оковах, в случае невыкупа мог быть продан или убит. В частности, Салическая правда, составленная на рубеже V–VI веков на основе опроса королем Хлодвигом старейших и авторитетнейших представителей германских племен, уже содержит сложившуюся процедуру урегулирования долгов. Это свидетельствует о том, что в среде древних германцев уже существовали достаточно развитые долговые отношения. Процедурой предусматривалось взыскание пени за просроченный долг, а также официальная конфискация имущества несостоятельного должника в пользу кредитора. Эти отношения перекочевали в первые средневековые государства Западной Европы и начали эволюционировать под влиянием целого ряда экономических и религиозных факторов. ©